

О РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Н.М. Барахоева, Х.Б. Базоркина

Аннотация. В статье рассматривается проблема выражения субъективной и объективной модальности в вопросительных предложениях ингушского языка. Модальность определяется как универсальная языковая категория, представленная практически во всех естественных языках мира, имеющая общее содержание, но по-разному реализующаяся в различных языках мира. Дается анализ лексических, синтаксических и грамматических средств выражения модальности (как объективной, так и субъективной) в вопросительных предложениях ингушского языка. Устанавливается, что в ингушском языке объективные значения модальности передаются в вопросительных предложениях, в которых содержатся частные вопросы, тогда как в вопросительных предложениях с общими вопросами могут выражаться значения субъективной модальности. Кроме того, в статье представлена характеристика типов вопросительных компонентов: вопросительных местоимений *малагIа/малагIдар* (б, в, й) — «какой», «который»; *массагIа/массагIдар* (б, в, й) — «который (по счету)»; *мала* — «кто», *фу* — «что», *мел*, *масса* «сколько»; *мишта/миштадар* (б, в, й) — «какой, который» и вопросительных наречий *маца* — «когда», *мишта* — «как», *мичара* — «откуда», *мича* — «куда», при помощи которых выражается вопрос о способе, месте действия, средстве, цели и причине. Здесь также рассматриваются особенности функционирования грамматических форм глагольного наклонения, их типов и способов образования в ингушском языке. В предлагаемой статье указывается и на то, что значения объективной модальности в ингушском языке могут передаваться в вопросительных предложениях и посредством модальных глаголов возможности, необходимости. Значение возможности в вопросительных предложениях актуализируется участием модального глагола *мега* — «мочь»; значение необходимости — модальным глаголом *деза* — «быть должным».

Ключевые слова: модальность, вопросительность, модальные глаголы, необходимость, достоверность, недостоверность.

Для цитирования: Барахоева Н.М., Базоркина Х.Б. О реализации модальных значений в вопросительных предложениях ингушского языка // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Часть 2. С. 331–339. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-331-339

© Барахоева Н.М., Базоркина Х.Б., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

N.M. Barakhoeva, H.B. Bazorkina

Abstract. *The article deals with the issue of expressing subjective and objective modality in interrogative sentences in the Ingush language. Modality is defined as a universal linguistic category, present in almost all the natural languages of the world, which has a common content, but is realized in different ways in different languages. The analysis of lexical, syntactic, and grammatical means of modality expression (both objective and subjective) in Ingush interrogative sentences is given. It has been established that the objective meanings of modality in the Ingush language are conveyed in interrogative sentences that contain special questions, while interrogative sentences with general questions may express the meanings of subjective modality. In addition, the article presents a description of the types of interrogative components: interrogative pronouns malagla/malagIdar (b, c, y) – “what”, “which”; massalagIa / massalagIdar (b, c, y) – “which”; mala – “who”, fu – “what”, chalk, massa “how many”; mishta/mishtadar (b, c, y) – “which, which” and the interrogative adverbs matsa – “when”, mishta – “how”, michara – “whence”, micha – “where to”, by means of which a question about the mode, place, means, purpose and cause of action is expressed. It also covers the peculiarities of the functioning of grammatical forms of the verbal inflection, their types and modes of formation in the Ingush language. The article also points out that objective modality in Ingush can be expressed in interrogative sentences and by means of modal verbs of possibility, necessity. The meaning of possibility in interrogative sentences is actualized by the modal verb mega – “can”; the meaning of necessity by the modal verb deza – “to be due”.*

Keywords: *modality, interrogativeness, modal verbs, necessity, reliability, unreliability.*

Cite as: Barakhoeva N.M., Bazorkina H.B. The Realization of Modal Meanings in Interrogative Sentences of the Ingush Language. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2023, No. 1, part 2, pp. 331–339. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-331-339

Известно, что модальность является предметом изучения не одной научной дисциплины и рассматривается в русле таких наук, как философия, логика, психология, лингвистика. Так же как и лингвистика, которая зародилась в недрах философии, модальность изначально вошла в лингвистику из классической логики.

Несмотря на тот факт, что категория модальности исследуется длительное время [1, с. 30; 2], проблема не утратила свою актуальность, скорее наоборот, утратили свою определенность границы употребления термина, а круг значений, обозначаемых как модальные, значительно расширился.

Целью исследования является выявление способов выражения модальности в вопросительных предложениях ингушского языка. При выполнении работы были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы лингвистического исследования. Впервые проведен анализ лексических, синтаксических и грамматических средств выражения объективной и субъективной модальности в вопросительных предложениях ингушского языка.

Сегодня в языкознании оформилось два основных подхода к определению категории модальности: широкий и узкий. В соответствии с широким подходом

(Ш. Балли, В.В. Виноградов, А.В. Бондарко и др.) под модальностью понимается выражение отношения говорящего к действительности, к содержанию речи [3–5].

Узкое понимание модальности отражено в работах Г.В. Колшанского, В.З. Панфилова, Г.А. Золотовой и др., где языковая модальность рассматривается как прямая аналогия модальности суждения и ограничивается выделяемыми в формальной логике значениями действительности, возможности и необходимости [6–8].

В зарубежной лингвистике отмечается, что понятие модальности включает в себя эпистемическую, динамическую, факультативную, внутреннюю или деонтическую модальности [9]. При этом деонтическая модальность означает внутренний потенциал, необходимость для говорящего совершить что-либо. Эпистемическая модальность рассматривается как степень вероятности осуществления ситуации. Динамическая модальность указывает на возможность агента действия сделать то, что зависит от внешних обстоятельств или его внутренних ресурсов [10; 11].

В лингвистике существуют определенные факторы, которые влияют на выбор между динамическим и эпистемическим прочтением. Многими лингвистами отмечается, что на выбор динамического и эпистемического значения модального показателя могут влиять определенные факторы, и вопросительность является одним из них [12; 13].

Известно, что вопросительность как категория языка реализуется в вопросительных предложениях. К средствам выражения вопросительности относится интонация, а также грамматические и лексические средства (наклонения, глаголы, вопросительные местоимения, наречия, частицы). Исследования, посвященные модальности вопросительных предложений, занимают определенное место в

весьма обширном количестве работ по категории модальности. Среди них стоит отметить труды А.А. Шахматова, Г.А. Золотовой, Е.В. Рагозиной [8; 14; 15].

Согласно грамматике русского языка вопросительными называются предложения, выражающие желание говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо. Вопросительные предложения часто имеют субъективно-модальную окраску со значением предположения, неуверенности и др. [16, с. 386].

Стоит отметить работы Г.А. Золотовой и др. лингвистов, подчеркивающие, что модальными не считаются функционально-модальные типы предложений по цели высказывания, категории вопроса, побуждения и т. п. [8]. Мы же в своей работе будем придерживаться мнения, что модальность — это функционально-семантическая категория, где особое место занимает вопросительная модальность. На это указывал еще В.В. Виноградов, отмечавший, что модальность, прежде всего, проявляется в предложении [4].

В нахском языкознании изучением значения вопросительности и его реализации в вопросительных предложениях занимались многие нахovedы, среди них Н.Ф. Яковлев (2001), Т.И. Дешериева (1979), Р.И. Долакова (1961), С.У. Патиев (2007) и др. [17–20].

Что касается грамматических средств выражения вопросительности, то заметим, что традиционная грамматика нахских языков была склонна к выделению вопросительного и вопросительно-отрицательного наклонений как грамматических форм ингушского глагола. Данная традиция восходит к исследованиям по грамматике ингушского языка Н.Ф. Яковлева [17].

Такая характеристика типов наклонений была представлена не только в исследованиях по нахским языкам. Так,

сегодня в кавказских языках в качестве средств выражений субъективной модальности отмечаются вопросительные наклонения. Например, в кабардино-черкесском языке выделяют показатели субъективной модальности в формах вопросительного наклонения, выражающих сомнение в осуществлении или отсутствии действия. Форма вопросительного наклонения с частицей *-пlэрэ* образуется с помощью суффикса деепричастия *у-/-уэ* и частицы *-пlэрэ*: Ар Асетыр и гумм къэIри унэмкIэ пльащ, Думэсарэ гьунэгь-уу щыту пlэрэ, жиIэри — «Это пришло в голову Астемира, и (он) посмотрел в сторону дома: не стоит ли рядом Думасара» [21].

В ингушском языке Н.Ф. Яковлев, Т.И. Дешериева и Р.И. Долакова выделяют и вопросительное, и вопросительно-отрицательное наклонения глагола: формы типа *тиега* — *тиегий?* — «шить — шьет?», *тиегац* — «не шьет»; *тиегаций?* — «не шьет? Разве не шьет?»; *тиегацар* — «не шил»; *тигацарий?* — «не шил? Не шил разве?» и т. д. [18; 19]. Н.Ф. Яковлев выделял в нахских языках два вида вопросительных предложений: 1) вопросительное, выражающее незнание и желание узнать то, что существует в действительности, например: *Хьо кхоана школе водий?* — «Ты завтра идешь в школу?»; 2) отрицательно-вопросительное, в котором спрашивающий склонен предполагать отсутствие в действительности данного факта и ожидать отрицательного ответа, например: *Хьо кхоана школе водаций?* — «Ты завтра не идешь в школу?» [17].

Вопросительность представлена в языке не только как категория грамматическая (т. е. реализующаяся посредством грамматических форм глагола), но и как категория лексическая и синтаксическая.

В работе Э.Г. Оздоевой были описаны основные средства выражения вопроси-

тельных предложений в ингушском языке посредством вопросительных местоимений, наречий, частиц, союзов, глаголов [22].

В лингвистике обращается внимание на то, что показатель вопросительности способен выражать как значения объективной, так и субъективной модальности при его употреблении в вопросительных предложениях, однако в частных вопросах выражает только значения объективной модальности [10].

В современном языкознании данное явление объясняется тем, что так называемые местоименные вопросы (показатели вопросительности, цель которых — получение новой информации) имплицитно содержат значение необходимости получения достоверной информации в ответе на вопрос и потому не допускают употребление в ответе показателей недостоверности (например: Кто пришел? — Кто, пожалуй, пришел?) [23].

Что касается ингушского языка, то здесь предложения с вопросительным компонентом представлены наиболее часто. В роли вопросительного компонента (или показателя вопросительности) в ингушском языке могут служить:

- вопросительные местоимения, такие как *фу* — «что», *мала* — «кто», *мел*, *масса* «сколько», *малагIа/малагIдар* (б, в, й) — «какой», «который», *массагIа/массагIдар* (б, в, й) — «который (по счету)», *мишта/миштадар* (б, в, й) — «какой, который» (*Фу аьларIа?* — «Что ты сказала?», *МалагIа жоп лургда цунна?* — «Какой ответ он получит?»).

- вопросительные наречия типа *маца* — «когда», *мишта* — «как», *мичара* — «откуда», *мича* — «куда», в которых выражается способ, средство, место действия, время, цель и причина: *Мича дешийтаргда Iа сога?* — «Где я буду учиться?», *Маца хургда-хьогI из?* «Когда же это будет?».

Помимо этого, значения объективной модальности могут быть выражены в вопросительных предложениях и с помощью модальных глаголов возможности, необходимости. Так, Е.В. Рагозина отмечает: «Объективно-модальное значение реальности может обогащаться добавочными значениями ситуативной модальности — значениями возможности, необходимости, желательности» [15, с. 92]. Регулярными лексическими экспликаторами, выражающими данные значения в русском языке, являются, например, модальные глаголы типа *мочь* (*может*), краткое прилагательное *должен* и др.

Аналогично и в ингушском языке значение возможности в вопросительных предложениях реализуется при помощи модального глагола *мега* — «мочь, быть возможным». Отметим при этом, что для реализации такого значения модальные глаголы здесь используются в предложении в сочетании с инфинитивной формой основного глагола (как и в русском языке): *Ай-я, мишта мег из санна дола х1ама чакхдала?* — «Как может нечто подобное осуществиться?».

Значение же необходимости в вопросительных предложениях ингушского языка реализуется с помощью глагола *деза* (в, б, й) — «нуждаться, быть нужным», например: *Х1анз, юха маца ваха веза хьа?* — «Теперь, когда тебе нужно возвращаться?».

Имплицитно, по мнению многих авторов, во всех вопросительных предложениях присутствует субъективная модальность, т. к. вопросительное предложение определяется как «...стремление говорящего узнать... или удостовериться» [15, с. 93].

Рассматривая эксплицитные способы передачи значений субъективной модальности в ингушском языке, следует отметить, что в общих вопросах, где основная

цель — проверка достоверности информации, вопросительные предложения неместоименного типа несут в себе значение субъективной модальности, например: *Боккъала яхий 1а?* — «Ты правду говоришь? — Возможно, ты правду говоришь? Кажется, ты правду говоришь? Конечно, ты правду говоришь?» или *Тлаккха, цо каьхат яздаьд?* — «И что, она написала письмо? — И что, возможно, она написала письмо?; И что, кажется, она написала письмо?; И что, конечно, она написала письмо?».

Как мы видим из приведенного примера, характер значений субъективной модальности в данном случае определяется и интонацией, что является, как известно, одним из средств реализации значений модальности в языке.

Субъективная модальность представлена в ингушском языке, как отмечает Н.М. Барахоева, в глаголах в формах вопросительно-отрицательного и вопросительного наклонения [24]. Так, форма вопросительного наклонения в ингушском языке образуется от формы глагола изъявительного наклонения при помощи аффикса *-ий*, например: *Хет-ий хьона раьза йоацаш санна?* — «Не кажется ли тебе, что она недовольна?», *Кхет-ий хьо?* — «Ты понимаешь?», *Залихан, сога хье-жарг-ийий хьо?* — «Залихан, ты будешь меня ждать?».

Вопросительно-отрицательное наклонение в ингушском языке образуется путем прибавления к отрицательной форме глагола аффикса *-ий*: *Етт д1алаьллабеций 1а?* — «Ты не выгнал корову?» (возможно, говорящий увидел доказательство того, что корова не выгнана), *Тешаций хьо?* — «Ты не веришь?» (говорящий сомневается, что ему верят, по тому, как адресант ведет себя), *Мехкарий а баг1аций цигача деша?* — «Разве девушки не учатся там?» (говорящий подвергает

сомнению то, что девушки не учатся там). Все эти примеры несут в себе значение сомнения в совершении действия и могут переводиться на русский язык с использованием наречий *разве*, *неужели* и др., привнося оттенок сомнения.

Также значение субъективной модальности находит свое выражение в предложениях с вопросительными частицами (*мича* — «куда», *хьогI* — «ли, неужели», *те/теш* — «ли, неужели», *мишта* — «как», *кхы* — «что еще» и др.), добавляя содержанию вопросительного предложения оттенок сомнения, опасения, предположения и недоумения: *Араялар-хьогI?* — «Вышла ли?» (возможно, что она вышла, но говорящий лишь предполагает); *Айя, хьо мича лел?* — «Эй, где ты ходишь?» (говорящий выражает

недоумение, вопрос «Где ты ходишь?» не требует ответа), *Кхы хьан хургья уж* — «Кого еще они будут?» (без частицы *кхы* предложение будет нести лишь значение вопроса, частица вносит ноты удивления).

Таким образом, анализ реализации значений модальности в вопросительных предложениях ингушского языка показывает, что модальные показатели выражают значение объективной модальности в частных вопросах при помощи вопросительных местоимений и наречий, тогда как в общих вопросах с вопросительными частицами с формами глаголов в вопросительных, вопросительно-отрицательных наклонениях могут выражать значения субъективной модальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова, С.М. и др. Современный русский язык в 3 томах. Т. 3. Синтаксис: учебник и практикум / под ред. С.М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2015. 297 с.
2. Колесникова, С.М. и др. Функциональная грамматика: учебник и практикум / под ред. С.М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2020. 421 с.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. 418 с.
4. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
5. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики: темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.
6. Колианский, Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 94–98.
7. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37–48.
8. Золотова, Г.А. О модальности предложения в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. С. 65–79.
9. Perkins, M.R. Modal Expression in English. London: Pinter, 1983.
10. Выдрин, А.П. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 344 с.
11. Берн, А.А. Модальность вежливости в финской речи: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 184 с.
12. Шатуновский, И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки русской культуры, 1996. 401 с.

13. *Pietrandrea, P.* Epistemic Modality. Functional Properties and the Italian System // *Studies in Language Companion Series*. Vol. 74. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005.
14. *Шахматов, А.А.* Синтаксис русского языка. Л.: Академия наук СССР, 1927. 214 с.
15. *Рагозина, Е.В.* О составе модальных значений и особенностях их реализации в вопросительных предложениях // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2009. № 1. С. 90–94.
16. *Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова.* М.: Наука, 1980. 792 с.
17. *Яковлев, Н.Ф.* Синтаксис ингушского литературного языка. М.: Academia, 2001. 472 с.
18. *Дешериева, Т.И.* Исследование видовременной системы в нахских языках: с привлечением материала иносистемных языков. М.: Наука, 1979. 271 с.
19. *Долакова, Р.И.* Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // *Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы*. Т. 2. Вып. 2. Грозный, 1961. С. 3–69.
20. *Патиев, С.У.* Простые предложения по цели в ингушском языке (о некоторых разновидностях) // *Кавказоведческие разыскания*. 2012. № 4. С. 84–86.
21. *Хежева, З.Р.* Наклонение как средство выражения модальности в кабардино-черкесском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011. 136 с.
22. *Оздоева, Э.Г., Джандигов, В.М., Сайнароева, Т.Ш.* Средства выражения вопросительных предложений в ингушском языке // *Казанская наука*. 2021. № 1. С. 110–112.
23. *Белошапкова, В.А., Брызгунова, Е.А., Земская, Е.А. и др.* Современный русский язык: учеб. для филол. 6 спец. ун-тов / под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
24. *Барахоева, Н.М.* Грамматические формы и категории глагола как новая лингвистическая парадигма (на материале нахских языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2011.

REFERENCES

337

1. Kolesnikova, S.M. i dr. *Sovremennyj russkij yazyk v 3 tomah. T. 3. Sintaksis: uchebnik i praktikum* [Modern Russian Language, vol. 3. Syntax: Textbook and Workshop], ed. by S.M. Kolesnikova. Moscow, Yurajt, 2015, 297 p. (in Russ.)
2. Kolesnikova, S.M. i dr. *Funkcionalnaya grammatika: uchebnik i praktikum* [Functional Grammar: Textbook and Workshop], ed. by S.M. Kolesnikova. Moscow, Yurajt, 2020, 421 p. (in Russ.)
3. Balli, Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, Inostrannaya literatura, 1955, 418 p. (in Russ.)
4. Vinogradov, V.V. O kategorii modalnosti i modalnyh slovah v russkom yazyke [About the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language]. In: *Issledovaniya po russkoj grammatike: izbrannye trudy* [Studies in Russian Grammar: Selected Works]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 53–87. (in Russ.)
5. Bondarko, A.V. *Teoriya funkcionalnoj grammatiki: temporalnost. Modalnost* [Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka, 1990, 263 p. (in Russ.)
6. Kolshanskij, G.V. K voprosu o soderzhanii yazykovoj kategorii modalnosti [On the Question of the Content of the Linguistic Category of Modality], *Voprosy yazykoznaniya = Questions of Linguistics*, 1961, No. 1, pp. 94–98. (in Russ.)

7. Panfilov, V.Z. Kategoriya modalnosti i ee rol v konstruirovanii struktury predlozheniya i suzheniya [The Category of Modality and Its Role in Constructing the Structure of Sentences and Judgments], *Voprosy yazykoznaniiya* = Questions of Linguistics, 1977, No. 4, pp. 37–48. (in Russ.)
8. Zolotova, G.A. O modalnosti predlozheniya v russkom yazyke [On the Modality of a Sentence in the Russian Language], *Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki* = Scientific Reports of the Higher School. Philological Sciences, 1962, No. 4, pp. 65–79. (in Russ.)
9. Perkins, M.R. *Modal Expression in English*. London, Pinter, 1983.
10. Vydrin, A.P. *Sistema modalnosti osetinskogo yazyka v sopostavitel'nom osveshchenii* [The System of Modality of the Ossetian Language in Comparative Coverage]: PhD Dissertation (Philology). St. Petersburg, 2014, 344 p. (in Russ.)
11. Bern, A.A. *Modalnost' vezhlivosti v finskoj rechi* [Modality of Politeness in Finnish Speech]: PhD Dissertation (Philology). St. Petersburg, 2014, 184 p. (in Russ.)
12. Shatunovskij, I.B. *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova (znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika)* [Sentence Semantics and Non-Referential Words (Meaning, Communicative Perspective, Pragmatics)]. Moscow, Yazyki russkoj kultury, 1996, 401 p. (in Russ.)
13. Pietrandrea, P. Epistemic Modality. Functional Properties and the Italian System. *Studies in Language Companion Series*, vol. 74. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2005.
14. Shahmatov, A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1927, 214 p. (in Russ.)
15. Ragozina, E.V. O sostave modalnyh znachenij i osobennostyah ih realizacii v voprositel'nyh predlozheniyah [On the Composition of Modal Values and the Features of Their Implementation in Interrogative Sentences], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2009, No. 1, pp. 90–94. (in Russ.)
16. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar: in 2 vols], ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, Nauka, 1980, 792 p. (in Russ.)
17. Yakovlev, N.F. *Sintaksis ingushskogo literaturnogo yazyka* [Syntax of the Ingush Literary Language]. Moscow, Academia, 2001, 472 p. (in Russ.)
18. Desherieva, T.I. *Issledovanie vidovremennoj sistemy v nahskih jazykah: s privilecheniem materiala inosistemnyh jazykov* [The Study of the Species-Modern System in the Nakh Languages: Involving the Material of Foreign Languages]. Moscow, Nauka, 1979, 271 p. (in Russ.)
19. Dolakova, R.I. Sistema proshedshih vremen v chechenskom i ingushskom yazykah [The System of Past Tenses in the Chechen and Ingush Languages]. In: *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury. T. 2. Vyp. 2* [News of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature, vol. 2, iss. 2]. Groznyj, 1961, pp. 3–69. (in Russ.)
20. Patiev, S.U. Proste predlozheniya po celi v ingushskom yazyke (o nekotoryh raznovidnostyah) [Simple Sentences for a Goal in the Ingush Language (About Some Varieties)], *Kavkazovedcheskie razyskaniya* = Kavkazovedcheskie Searches, 2012, No. 4, pp. 84–86. (in Russ.)
21. Hezheva, Z.R. *Naklonenie kak sredstvo vyrazheniya modalnosti v kabardino-cherkesskom yazyke* [Mood as a Means of Expressing Modality in the Kabardino-Circassian Language]: PhD Dissertation (Philology). Nalchik, 2011, 136 p. (in Russ.)
22. Ozdoeva, E.G., Dzhandigov, V.M., Sajnaroeva, T.Sh. Sredstva vyrazheniya voprositel'nyh predlozhenij v ingushskom yazyke [Means of Expressing Interrogative Sentences in the Ingush Language], *Kazanskaya nauka* = Kazan Science, 2021, No. 1, pp. 110–112. (in Russ.)

23. Beloshapkova, V.A., Bryzgunova, E.A., Zemskaya, E.A. i dr. *Sovremennyj russkij yazyk* [Modern Russian Language], ed. by V.A. Beloshapkova. Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 800 p. (in Russ.)
24. Barakhoeva, N.M. *Grammaticheskie formy i kategorii glagola kak novaya lingvisticheskaya paradigma (na materiale nahskih yazykov)* [Grammatical Forms and Categories of the Verb as a New Linguistic Paradigm (Based on the Material of the Nakh Languages)]: Extended Abstract of ScD Dissertation (Philology). Nalchik, 2011. (in Russ.)

Барахоева Нина Мустафаевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра ингушского языка, Ингушский государственный университет, директор, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, n.barakoyeva@mail.ru

Nina M. Barakhoeva, ScD in Philology, Professor, Ingush Language Department, Ingush State University, Head, Ch.E. Akhriev Ingush Research Institute of Humanities, n.barakoyeva@mail.ru

Базоркина Хава Багаудиновна, начальник сектора, научно-исследовательский сектор, Ингушский государственный университет, havva983@mail.ru

Hava B. Bazorkina, Head of the Sector, Research Sector, Ingush State University, havva983@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.03.2022. Принята к публикации 21.10.2022

The paper was submitted 31.03.2022. Accepted for publication 21.10.2022